

В Приложении 4, озаглавленном «Комментарии для специалистов по финно-угорским языкам», авторы еще раз в сжатой форме обосновывают принятые в данной работе решения, которые в той или иной степени являются «нетрадиционными». Завершает вторую часть карта водских деревень и фотографии информантов.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить высокое качество работы. Авторы сделали максимум возможного, чтобы данное грамматическое описание было бы «user friendly». С этой целью в работу были включены всевозможные индексы, все спорные вопросы обсуждаются, причем авторы и дают информацию о решениях, принятых предшествующими исследователями водского языка, и обосновывают собственный выбор. Прилагаемый к грамматическому описанию сборник текстов, а также диск с аудиофайлами позволяют читателю самому проверять некоторые утверждения авторов. Правила порождения именных и глагольных парадигм, описываемые во второй части работы, почти во всех случаях позволяют породить нужную словоформу каждой лексемы, представленной в словаре. Специалисты по прибалтийско-финскому и водскому языкознанию должны быть бесконечно благодарны авторам за проделанную ими работу. Хочется надеяться, что рецензируемое издание послужит стимулом для новых работ по водскому языку и надежной базой последующих исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2 – 2-е лицо
3 – 3-е лицо
Gen – генитив
Imp – императив
Nom – номинатив
PartPass – пассивное причастие
Pl – множественное число
Sg – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат 2007 – Т.Б. Агранат. Западный диалект водского языка. Москва; Гронинген, 2007.
Ahlquist 1855 – A. Ahlquist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1855.
Ariste 1948 – P. Ariste. Vadja keele grammatika. Tartu, 1948.
Kettunen 1930 – L. Kettunen. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.
Tsvetkov 1995 – D. Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Helsinki, 1995.
Tsvetkov 2008 – D. Tsvetkov. Vadja keele grammatika. Tallinn, 2008.

М.З. Муслимов

Сведения об авторе:

Мехмет Закирович Муслимов
Институт лингвистических исследований РАН
mehmet@yandex.ru

M. Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011. 337 p. (Langues et langage, 17.)

Книга известного французского слависта польского происхождения Маргерит Гиро-Вебер «Очерки по русскому и контрастивному синтаксису» вышла в лингвистической серии монографий университета Экс-ан-Прованса, где многие годы работает автор. Это собрание статей, самая ранняя из которых написана в 1974 г.; некоторые из них уже хорошо знакомы русистам. Всего в книгу входят 29 статей; первые публикации многих из них в настоящее время труднодоступны, ряд текстов печатается впервые. Сборник адресован лингвистам, интересующимся не только славянскими языками, но и типологией, поэтому статьи, первоначально выходившие в узкоспециальных изданиях для русистов, переработаны с учетом более широкой аудитории и унифицированы (примеры даны в транслитерации латиницей и обычно с переводами на французский язык, иногда даже глоссированы, некоторые

литературные цитаты упрощены и т. п.). Книга состоит из пяти разделов («глав»), посвященных соответственно синтаксическим отношениям, подлежащему, глаголу, безличным конструкциям и сопоставлению русского языка с другими (прежде всего западнославянскими и французским). Может быть, следовало бы разнести статьи из последнего «контрастивного» раздела в соответствии с их тематикой по остальным. Было бы естественнее, если бы статьи, например о безличных конструкциях или генитиве при отрицании, находились вместе, а не в разных частях книги в зависимости от того, какую роль в них играет сопоставление с иноязычным материалом (ведь те или иные, пусть беглые, отсылки к другим языкам присутствуют и в большинстве статей первых четырех разделов).

Автор занимает позицию, характерную для лингвистов, условно объединяемых под

В Приложении 4, озаглавленном «Комментарии для специалистов по финно-угорским языкам», авторы еще раз в сжатой форме обосновывают принятые в данной работе решения, которые в той или иной степени являются «нетрадиционными». Завершает вторую часть карта водских деревень и фотографии информантов.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить высокое качество работы. Авторы сделали максимум возможного, чтобы данное грамматическое описание было бы «user friendly». С этой целью в работу были включены всевозможные индексы, все спорные вопросы обсуждаются, причем авторы и дают информацию о решениях, принятых предшествующими исследователями водского языка, и обосновывают собственный выбор. Прилагаемый к грамматическому описанию сборник текстов, а также диск с аудиофайлами позволяют читателю самому проверять некоторые утверждения авторов. Правила порождения именных и глагольных парадигм, описываемые во второй части работы, почти во всех случаях позволяют породить нужную словоформу каждой лексемы, представленной в словаре. Специалисты по прибалтийско-финскому и водскому языкознанию должны быть бесконечно благодарны авторам за проделанную ими работу. Хочется надеяться, что рецензируемое издание послужит стимулом для новых работ по водскому языку и надежной базой последующих исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2 – 2-е лицо
3 – 3-е лицо
Gen – генитив
Imp – императив
Nom – номинатив
PartPass – пассивное причастие
Pl – множественное число
Sg – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат 2007 – Т.Б. Агранат. Западный диалект водского языка. Москва; Гронинген, 2007.
Ahlquist 1855 – A. Ahlquist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1855.
Ariste 1948 – P. Ariste. Vadjä keele grammatika. Tartu, 1948.
Kettunen 1930 – L. Kettunen. Vadjä kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.
Tsvetkov 1995 – D. Tsvetkov. Vadjä kielen Joenperän murteen sanasto. Helsinki, 1995.
Tsvetkov 2008 – D. Tsvetkov. Vadjä keele grammatika. Tallinn, 2008.

М.З. Муслимов

Сведения об авторе:

Мехмет Закирович Муслимов
Институт лингвистических исследований РАН
mehmet@yandex.ru

M. Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011. 337 p. (Langues et langage, 17.)

Книга известного французского слависта польского происхождения Маргерит Гиро-Вебер «Очерки по русскому и контрастивному синтаксису» вышла в лингвистической серии монографий университета Экс-ан-Прованса, где многие годы работает автор. Это собрание статей, самая ранняя из которых написана в 1974 г.; некоторые из них уже хорошо знакомы русистам. Всего в книгу входят 29 статей; первые публикации многих из них в настоящее время труднодоступны, ряд текстов печатается впервые. Сборник адресован лингвистам, интересующимся не только славянскими языками, но и типологией, поэтому статьи, первоначально выходившие в узкоспециальных изданиях для русистов, переработаны с учетом более широкой аудитории и унифицированы (примеры даны в транслитерации латиницей и обычно с переводами на французский язык, иногда даже глоссированы, некоторые

литературные цитаты упрощены и т. п.). Книга состоит из пяти разделов («глав»), посвященных соответственно синтаксическим отношениям, подлежащему, глаголу, безличным конструкциям и сопоставлению русского языка с другими (прежде всего западнославянскими и французским). Может быть, следовало бы разнести статьи из последнего «контрастивного» раздела в соответствии с их тематикой по остальным. Было бы естественнее, если бы статьи, например о безличных конструкциях или генитиве при отрицании, находились вместе, а не в разных частях книги в зависимости от того, какую роль в них играет сопоставление с иноязычным материалом (ведь те или иные, пусть беглые, отсылки к другим языкам присутствуют и в большинстве статей первых четырех разделов).

Автор занимает позицию, характерную для лингвистов, условно объединяемых под

названием «функционального направления». Искусственным и полученным в результате эксперимента (элицированным) примерам предпочитают взятые из реальных текстов (в более поздних работах – из Национального корпуса русского языка)¹. Еще до появления НКРЯ для решения ряда задач Гиро-Вебер строила собственный корпус, состоящий как из художественных, так и из нехудожественных текстов и подвергавшийся «систематическому обсчету» (*dépouillement systematique*, с. 85). При этом к мнению информантов о приемлемости тех или иных высказываний автор также апеллирует (например, в статье о прилагательных «Бисинхронный метод...», см. ниже). Теоретическое объяснение наблюдаемых языковых явлений иногда занимает существенное место, но в целом приоритет отдается «возможно более адекватному и объективному» описанию. Гиро-Вебер вслед за своим учителем Полем Гардом (кстати, именно ему, «великому слависту и выдающемуся профессору», посвящена книга) обращает внимание на исторические процессы, ведущие к синхронному состоянию языка, и различает в последнем те или иные черты, восходящие к старой системе. Автор также признает связь между языком и национальной культурой в духе, например, работ Вежицкой, хотя и без крайностей, свойственных этому направлению (с. 150; ср. в особенности последнюю статью сборника «Восприятие времени у русских и французов»).

Статьи Гиро-Вебер сравнительно невелики по объему (в среднем примерно по 12 страниц) и сжато, но информативно затрагивают разные очень конкретные сюжеты русской грамматики. В центре интересов автора находится синтаксис, который, как она говорит, «вышел из моды» среди русистов. Первая статья раздела «Синтаксические отношения» – «Связка: форма и функция в современном русском языке» (1976)². В этой статье Гиро-Вебер предлагает несколько модификаций по сравнению с традицией рассмотрения предложений со связкой в русистике. Во-первых, она рассматривает связку *быть* в ряду других русских связок; а во-вторых, анализирует предложения с именным сказуемым не пословно, а поморфемно. С ее точки зрения, связка возникает в предложении как носитель грамматических морфем, при этом она сохраняет и лексическое содержание,

в том числе и в случае глагола *быть*. К связкам она относит глаголы типа *вернуться, прийти, казаться*, управляющие адъективным дополнением в творительном падеже (в современной лингвистике последнее часто называется «депиктивом»). Традиционная русистика делит их на «полусвязки» и «полнозначные глаголы», что, как считает Гиро-Вебер, излишне: ведь любой глагол, выступающий в функции связки, может выступать в другом контексте в качестве «синтетического предиката», таким образом, речь идет не о лексической классификации, а о синтаксической полифункциональности одних и тех же глаголов. Вместо этого она разделяет связки на «характерные», которым свойственна прежде всего эта функция (*быть, являться, стать, казаться, оказаться, делаться*) и «окказиональные», употребляемые обычно в качестве синтетического предиката (*прийти, вернуться, сказать, сидеть* и многие другие: этот класс продуктивен). В-третьих, Гиро-Вебер проводит границу между древним типом предложений с именным сказуемым без связки (типа *Бедность не порок* и *Время – деньги*, где глагола нет и в латыни или в современном польском) и предложениями с нулевой связкой, которые представляют собой русскую инновацию.

Вторая статья сборника «Некоторые особенности экзистенциального предложения в русском языке» (2006) посвящена нескольким русским конструкциям: с глаголом *быть*, с глаголом *существовать*, генитиву при отрицании (*работы не находилось*) и посессивному обороту с предлогом *у*. В частности, отмечено, что глагол *существовать*, в отличие от *быть*, имеет встроенный в семантику универсальный «локализатор» и плохо сочетается с обстоятельствами места. Как представляется, это утверждение нуждается в оговорках, ср. вполне частотные контексты вроде *К 1870 году новый суд существовал в 23 губерниях вместо 44, определенных законом от 19 октября 1865 года* [А. Афанасьев. Суд присяжных в России // «Отечественные записки», 2003] или *Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна)* [Д. Лихачев. О русской интеллигенции (1993)], где локализация экзистенциальной ситуации как раз является самой информативной частью высказывания. Кроме того, автор анализирует противопоставления между связочной и бессвязочной конструкциями типа *У него седые волосы* и *У него есть седые волосы*.

К предыдущим двум статьям примыкает работа «Отношение принадлежности» (1996),

¹ Автор несколько удревняет его появление в Интернете (с. 8), утверждая, что Корпус стал доступен онлайн с 2000 г.; в действительности это произошло четырьмя годами позже.

² В скобках мы даем дату первой публикации, хотя для сборника многие статьи перерабатывались и дополнялись автором.

где более подробно разбираются конструкции типа *у него (есть) седые волосы* (с учетом работ Д. Пайара и Ж. Фейе), статус предлога *у* и связки в этих конструкциях, а также анализируются другие средства выражения принадлежности в русском языке. В частности, автор обращает внимание на непродуктивность предлога *у* в значении пространственной близости (особенно применительно к одушевленному ориентиру) и вытеснение его во многих контекстах другими предлогами, а также на рост употребительности конструкции *отец у него* по сравнению со стандартным посессивом *его отец*. Указано (на материале совместной публикации автора с И. Микаэлян), что конструкция с глаголом *иметь* последовательно выступает для заполнения парадигматической лакуны конструкции *у меня есть*, которая лишена нефинитных форм: *не имея денег, имей смелость, она не может иметь детей* и т. п. Отметим, что конструкция с предлогом *у* все же сочетается с инфинитивом, причем в ряде случаев замена на конструкцию с *иметь* невозможна или неестественна, ср. примеры из НКРЯ: *Она думала, что только у русских могут быть такие страдающие, молящие, ласковые, безумные глаза* [В. Гроссман]; *У ребенка могут быть большие проблемы с сердцем* [форум] и др., а большинство примеров с сочетанием *мочь + иметь* содержат книжные устойчивые обороты с глаголом *иметь* (как отмечает сама Гиро-Вебер, в основном это кальки): *иметь влияние, значение, отношение, последствия, природу, характер* и т. д.

Статья «Дифференциальное маркирование объекта в современном русском языке: что нового?» (2004) затрагивает исключительно популярную в русистике тему выбора между генитивом и аккумулятивом прямого дополнения при отрицании. Этому сюжету, помимо большого числа важных публикаций (А. Мустайоки, Б. Парти и В. Борщева и др.), уже после первой публикации статьи Гиро-Вебер был посвящен целый сборник [Рахилина (сост.) 2008]. В данной статье рассматривается прежде всего исторический и контрастивный аспект вопроса; автор пользуется результатами обширного исследования, проведенного в 1985 г. под руководством А. Мустайоки. С точки зрения Гиро-Вебер, полученные финским коллективом данные свидетельствуют о том, что распределение генитивной и аккумулятивной конструкции связано, прежде всего, с определенностью/неопределенностью объекта (то же правило лежит в основе выбора падежа дополнения при глаголах типа *ждать* или *просить*), а отклонения от этого принципа диктуются устоявшимися фразеологизмами. Автор полагает, что в русском, в отличие, например, от чешского (подробнее см.

ниже), генитив при отрицании не исчезнет, а сохранится благодаря указанной семантизации этого различия. Вообще, по мысли Гиро-Вебер, «русский язык предпочитает диверсифицировать, а не унифицировать (*normaliser*)».

В статье «Синтаксис русского компаратива: некоторые уточнения» (1996) автор рассматривает употребление нескольких форм русского компаратива: синтетической (*крепче*), аналитических форм, где возможно выражение семантики не только большей, но и меньшей степени признака, а также сохраняется различие между прилагательным и наречием (*более/менее крепкий/крепко*), а также префиксальной синтетической формы (*покрепче*). Автор отмечает, что префиксальная форма не является «смягчительной», или «аттенуативной», как ее нередко описывают, но скорее наделена субъективной семантикой выбора, связанного с ситуацией (ср.: *дай мне чай покрепче*); «говорящий вводит собеседника в “личную сферу”, столь важную в социальных отношениях у русских» (с. 62). Префиксальный компаратив также фактически выступает разговорным синонимом аналитической формы в атрибутивном контексте, где бесприставочная синтетическая форма фактически неприемлема (*более добрый следователь – ?следователь добрее – следователь подобрае*). Гиро-Вебер обращает внимание и на редкие в современном языке (и, возможно, нарушающие норму) сочетания типа *гораздо получше*; наши собственные наблюдения показывают, что в XIX в. они были более приемлемы и частотны (как и схожие с ними конструкции *втрое / в десять раз побольше*). К сожалению, в этой статье не добавлена ссылка на вышедшую после журнальной публикации работу [Богуславский, Иомдин 2009], которая является наиболее подробным (хотя все же не исчерпывающим) описанием семантических и синтаксических свойств данной формы.

В работе «Бисинхронный метод в описании адъективного сказуемого (*adjectif attribut*)» (1993) автор подходит к проблеме вариативности формы адъективного сказуемого (*Соседка оказалась хитрой/хитрая/хитрой*), используя методику Поля Гарда, согласно которой в синхронном состоянии языка нужно выделять различные хронологические пласты и для каждого из них усматривать свое множество правил, диктующих выбор между той или иной формой. Для современного пласта (в частности, в устной речи молодого поколения) действует правило («модель А»), ограничивающее выбор краткой формы только лексикализированными контекстами и регулирующее выбор между именительным и творительным падежами в зависимости от типа глагола. И здесь мы снова возвращаемся к связкам. «Сильная»

связка типа *стать* или *казаться* требует творительного падежа, «слабая» типа *прийти* или *стоять* допускает также номинатив; выбор падежа при связке *быть* регулируется особым правилом. Хронологически старшая «модель В», принятая в книжных текстах, допускает при глаголе *быть* и (гораздо реже) при «сильной» связке также краткую форму (а в языке XIX в. она была возможна и при «слабой» связке, ср.: *вернулся задумчив*). Выбор формы адъективного сказуемого – детально проработанный в русистике сюжет. Автор отмечает нечасто упоминаемое морфологическое ограничение на краткую форму в сочетании с превосходной степенью (**самый умен*). При этом на основании суждений информантов она считает «избегаемой» краткую форму от сложных прилагательных, с рядом лексем все же представленную в текстах (ср.: *зеленоватобледен*). В отличие от автора известной работы о краткой форме прилагательного Л. Бэбби, Гиро-Вебер считает выбор краткой формы в предложениях типа *Искусство вечно связанным* не с уникальностью объекта, а с вневременным характером высказывания.

Следующая статья также посвящена именному сказуемому, на сей раз выраженному существительным – «К вопросу о субстантивном сказуемом в современном русском языке: Можно ли по-прежнему говорить о семантической оппозиции?» (1994). Здесь речь идет о противопоставлении именительного и творительного падежей: как известно, в истории языка именительный падеж был вытеснен творительным при всех связочных и полусвязочных глаголах, кроме глагола *быть*, и сохранился прежде всего при этом последнем в форме настоящего времени (в отличие от польского или украинского языков, где творительный падеж проник и в эту позицию). Вариативность, однако, сохраняется при прошедшем времени глагола *быть*. В XVIII в. (а во многом и в XIX) конструкции типа *он был учитель* означали постоянную ситуацию, а *он был учителем* – временную; многие грамматики XX в. указывают это семантическое распределение и для современного языка, хотя оно уже не вполне соответствует действительности. В современном языке выбор падежа определяется целым рядом факторов. Так, номинатив слабо допустим после отрицания (*он не был русским*), при неодушевленном (*рента была одним из источников дохода*) и сентенциальном подлежащем. В остальных претеритальных контекстах возможна конкуренция между падежами. С точки зрения автора, выбор маркированной формы именительного падежа в современном языке указывает на «доминирующую характеристику» субъекта с точки зрения говорящего.

В статье «Статус локализатора» (1998) речь идет о русской именной группе с предложением *в* и ее статусе с точки зрения теньеровской теории валентности (в соответствии с процедурой, предложенной Ж. Лазаром) – в каких случаях она является актантом, а в каких сирконстантом. Локализатор является актантом при экзистенциальном глаголе (*В лесу находится озеро*), в посессивных конструкциях, допускающих перифразирование с помощью глагола *иметь* (*В России есть своя демократическая культура*), и в безличных конструкциях (*В комнате жарко*), сирконстантом – в классических контекстах с обстоятельством места при «локализуемых ситуациях», а также в неопределенно-личных предложениях (*В доме поют*).

Второй раздел книги состоит из трех статей и называется «Подлежащее (субъект)³: формы, трансформации, устранение». В статье «Подлежащее в русском языке» (2003) анализируются три типа неканонических неноминативных подлежащих при так называемых безличных конструкциях: дативное (*Ему было стыдно*), аккузативное (*Его тошнит*) и инструментальное (*Его убило громом*). Эти три вида подлежащих оцениваются (в духе известного подхода Кинана – Комри) по ряду критериев, характерных для «прототипического» подлежащего (предикативная связь, согласование, начальная позиция, одушевленность, функция агенса, возможность контролировать рефлексив и субъект деепричастного оборота; см. также обсуждение этих критериев в [Тестелец 2001: 317–359]). Степень «подлежащности» у этих типов именных групп разная; наиболее существенными признаются критерии агентивности и одушевленности.

Данную тему продолжают две другие статьи раздела. В статье «Предикация без подлежащего: случай русского языка» (2008) анализируются различные типы предложений, занимающие положение на шкале между эллипсисом и традиционными «безличными» предложениями (анафорическое и ситуативное опущение подлежащего, фразеологизмы с усеченным подлежащим типа *дело доходит до > доходит до*, случаи «инкорпорированного актанта» в терминологии Е.В. Падучевой типа *капли каплют с крыши > капает с крыши*⁴). Работа «Эллипсис, устране-

³ Гиро-Вебер отдельно останавливается на проводимом в русской традиции различии между формальным «подлежащим» и логическим «субъектом»; во французском языке этим терминам соответствует один термин *sujet* с разными уточнениями.

⁴ Отметим, что список подразумеваемых субъектов при безличных предикациях (с. 119) неполон: *таять* может не только снег (но и лед), а *отпускать* не только мороз (но и, например, боль).

ние подлежащего (effacement)⁵, нулевое подлежащее» (одна из самых ранних статей, она датируется 1977 г.) проводит разграничение между предложениями с эллипсисом подлежащего и предложениями с нулевым подлежащим. Для конструкций типа *доходит до*, образованных путем грамматикализовавшегося усечения подлежащего, предложен термин «предложения с устранным подлежащим» или «сокращенные предложения». Обобщенно-личные предложения (*не знаешь, что сказать*) квалифицируются как «инклюзивные», а неопределенно-личные (*за стеной поют*) – как «эксклюзивные» (за исключением перформативных контекстов типа *Граждане, вам вежливо говорят: выметайтесь отсюда*). Внутри традиционного класса «безличных предложений» Гиро-Вебер различает собственно безличные предложения типа *в горле першило* и *на дворе темно* и предложения с нулевым подлежащим, безразличным к признаку «личное/безличное» (*над головой дуло, в кустах зашевелилось*). Подчеркнуто, что всякое предложение с нулевым подлежащим (в отличие от предложения с эллиптическим подлежащим) имеет неопределенный субъект. «Неловкая, если вообще грамматичная», согласно автору, конструкция *Это ясно, что Р* несколько раз встречается в Национальном корпусе русского языка, как правило, в прямой речи (в частности, у Гончарова, Каверина, Катаева, Веры Пановой), а также в устных текстах. Пример *Думая о сестре, Варя стало грустно* (с. 121), с моей точки зрения, не грамматичен; контексты с дативным экспериментом, контролирующим субъект деепричастного оборота, обозначены как сомнительные, например, и в [Тестелец 2001: 331].

Последняя статья этого раздела является звеном, соединяющим его со следующим разделом под названием «Безличность» (L'impersonnel). В открывающей его статье «Недавняя эволюция безличных предложений в русском языке» (2003) на материале корпуса текстов анализируется ряд диахронических явлений, «нормализующих и стандартизирующих» данный тип предложений. Это расширение сферы употребления отрицательных экзистенциальных предложений (типа *мороза не ощущалось*), появление конструкции типа *с отцом нехорошо*, вытеснение безличного пассива типа *следилось, было стреляно* неопределенно-личной активной конструкцией типа *следили, стреляли*; распределение между дативной-безличной и активной конструкциями (*мне нельзя – я не могу*) в зависимости от

внешней или субъективной модальности соответственно; уже упоминавшееся выше «устранение подлежащего» (*дело дошло до драки > дошло до драки*). Согласно выводу автора, русский язык выработал стратегии «избегать» подлежащего в номинативе в случаях, когда речь идет о неконтролируемой ситуации.

В статье «Количественное предложение» (1980) речь идет о квантифицирующих предложениях с генитивом типа *сил не хватает, яблонь четыре, времени мало*; несколько необычным является причисление к ним также генитивных конструкций изменения количества типа *семейства прибавилось, воды убавилось*. Автор считает, что данные предложения представляют особую синтаксическую конструкцию, отличную от простых количественных групп и экзистенциальных предложений, и обращает, в частности, внимание на разницу в выборе числа: *театров в городе два* (существование объекта в пресуппозиции) vs. *в городе два театра* (экзистенциальное предложение в чистом виде), невозможность трансформации в простую количественную группу: *людей раз-два и обчелся* vs. **раз-два и обчелся людей* и др. Гиро-Вебер приходит к выводу о том, что в предложениях типа *театров в городе два* существительное в генитиве обладает признаками подлежащего.

В статье «Предложения типа *с отцом нехорошо*» (1979) отдельно анализируется уже упомянутый тип безличных оценочных предложений, развившийся в русском языке в XX в. С точки зрения автора, конструкции типа *у него дом с садом* и *у него удача с проектом* синтаксически различны, так как они, в частности, по-разному ведут себя с отрицанием (*у него нет дома с садом, ?у него нет удачи с проектом, ОК у него неудача с проектом*); в конструкциях последнего типа такие слова, как *удача* являются сказуемыми. Отмечен такой более яркий признак перехода существительных в предикативы, как утрата ими согласования: *Ему было лень*; согласуемый вариант *Ему была лень* ушел из языка. В то же время мнение автора, согласно которому согласуемый вариант количественных конструкций типа *Людей была масса* является маргинальным и менее приемлемым, подтверждения не находит. Примеры типа *Конечно, Л. Я. проявила при переезде редкие твердость и мужество, но и анекдотов была масса* [Е. Кумпан. Вспоминая Лидию Яковлевну // «Звезда», 2002] в современном языке не маркированы, а все примеры на *было масса* относятся к 1900–1930-м гг. Разбирается также разница в распределении и семантике между конструкциями *с ним плохо* и *ему плохо*.

Впервые в данном виде в сборнике печатается статья «Двойной статус творительного

⁵ Мы используем соответствие, употребляемое в русскоязычных публикациях автора, например, [Гиро-Вебер 1984].

падежа в безличном предложении». Анализируются конструкции со значением распространения запаха или движения воздуха типа *пахло смолой* или *веяло жаром*. В отличие от многих предшественников, Гиро-Вебер предлагает анализировать эту инструментальную конструкцию иначе, чем формально схожую с ней безличную *Лодку унесло ветром*, где творительный падеж кодирует неконтролируемую стихию или ее орудие. В глаголах со значением распространения запаха или движения воздуха существительное в творительном падеже является обязательным актантом, требуемым семантикой ольфакторного глагола. Кроме того, в конструкции входит также локативный элемент (*с полей веет прохладой*, *в комнате пахнет рыбой*); эти предложения примыкают по типу к безличным предложениям вроде *в комнате темно*. Конструкции типа *пахнет рыбой* представлены также и в западнославянских языках, в то время как обозначения действия стихий с существительным в творительном падеже типа *лодку унесло ветром* характерны только для восточнославянских.

В статье «*Весело кататься – кататься весело: одна или две конструкции?*» (1981) рассматривается вопрос о синтаксическом статусе инфинитива в сочетании с предикативом, затронутый еще в работах Шахматова и в дальнейшем неоднократно поднимавшийся. Автор различает три типа таких сочетаний: модальное (*мне можно курить*), где инфинитив обязателен, дативные конструкции, указывающие на состояние дативного субъекта (*мне тошно отвечать*), где инфинитив факультативен, и оценочные конструкции (*смеяться грешно*), где инфинитив обязателен, а датив нет. Оценочные конструкции противопоставлены обеим дативным. В оценочных конструкциях подлежащим является инфинитив (а форма на *-o/-e* представляет так называемое дефолтное согласование); дативные лишены формального подлежащего, но многие его признаки присущи обязательному дативному актанту. При этом ряд предикативов может образовывать как оценочные, так и дативные конструкции: к ним и относится предикатив *весело*, в препозиции к инфинитиву дающий дативную конструкцию, а в постпозиции – оценочную.

Следующий раздел сборника называется «Вокруг глагола»: это постоянная тема работ Гиро-Вебер, посвятившей русскому глаголу целую книгу [Guiraud-Weber 2004]. В статье «Грамматические категории русского глагола» (1997), помимо собственно грамматического материала, излагаются и различия в обозначениях временных интервалов во французском и русском (подробнее освещенные в статье «Восприятие времени у русских и францу-

зов»). Интересно обсуждение неканонических «ирреальных» контекстов (сочетание частицы *бы* не с *л*-формой: *пора бы*, *мне бы отдохнуть*, *воды бы*). Центральный раздел статьи посвящен виду: выделены продуктивные и непродуктивные модели видообразования и различные типы противопоставления в видовой паре. Работа «Полезно ли еще понятие способа действия?» (1989) критикует ставшее распространенным в славянской аспектологии понятие способа (совершенности) глагольного действия (*Aktionsart*), введенное С. Агреллем на польском материале и распространенное А.В. Исаченко на русский язык. Подробно рассмотрев предлагавшиеся ранее аспектологами подходы к этому понятию, Гиро-Вебер считает, что анализ соотношений в видовых парах, выражающихся аффиксами, является слишком узким и не охватывает всех соотношений между лексической и видовой семантикой. Она предлагает классификацию семантических типов славянских предикатов, отличающуюся от предложенной З. Вендлером для английского языка: выделяются нединамические предикаты (*сидеть*), динамические с прогрессивным результатом (*вязать/связать шарф*) и динамические с немедленным результатом (*приходить/прийти*, *случаться/случиться*, *хлынуть*, *очутиться* и др.).

Впервые публикуемая в данном виде статья «Глагольная префиксация» затрагивает, в частности, проблему десемантизации и ресемантизации превербов. С точки зрения Гиро-Вебер, семантически «пустых» глагольных приставок не бывает: они могут десемантизироваться в определенных контекстах (в том числе в случае совпадения их семантики с семантикой корня – к сожалению, не упоминаются М. Вей или К. ван Схоневелд, исследовавшие этот эффект), а также приобрести новую семантику (например, делимитативное *по-* с императивом приобретает значение «вежливая просьба»). Обсуждается также активно исследуемая в последние годы (например, [Татевосов 2009]) двойная префиксация (глаголы типа *допродать* или *перенакрахмалить*), дается список превербов, которые могут занимать внешнюю позицию, и указаны их общие семантические свойства. Автор считает, что в русском языке, в отличие от украинского или белорусского, невозможен повтор одной и той же приставки. Хотя ряд сочетаний, продуктивных для этих языков, в русском действительно крайне маргинален и едва ли нормативен (например, двойное *по*, как в украинском *попоїсти* или белорусском *папагаладаць*), но в разговорном языке некоторые из них вполне приемлемы, например, указанный в той же статье Татевосова глагол *забавивать* «начать забавить (голы)».

Статья «Понятие контролируемости и вид глагола» (1996) перечисляет аспектологические явления, связанные с контролируемостью предиката; так, контролируемого предиката требует НСВ со значением попытки (*отец долго будил его vs. звонок разбудил его*), НСВ при глаголах типа бояться (*я боюсь его об этом спрашивать vs. я боюсь простудиться*), презенса НСВ в значении будущего (*завтра я еду в Париж vs. *завтра идет дождь*), инфинитива повествовательного (*а царица хохотать⁶ vs. *тут идти / пойти дождь*). Неконтролируемость действия требуется для СВ в отрицательном императиве (*не упади!*).

Статья «Аспектуальная корреляция в русском языке и проблема троек» (2008) охватывает несколько конкретных сюжетов, в частности, окказиональность и низкочастотность некоторых видовых коррелятов, включая механизм возникновения супплетивных пар (*очутиться – оказываться*). Автор, вслед за В.Г. Гакком, как будто бы считает невозможными имперфективы типа *тепело, холодало, легчало* (вместо них якобы выступают только обороты *становилось теплее, холоднее, легче*), хотя это совершенно обычные глаголы, отмеченные не только в словарях, но и множество раз в текстах⁷. При анализе видовых пар, связанных с двувидовыми глаголами (*организовать – организовывать*), Гиро-Вебер замечает, что такие вторичные имперфективы почти не употребляются в презенсе (**мы организовываем*). В то же время в НКРЯ отмечено более 100 примеров презенса глагола *организовывать*; его частотность бурно растет с 1990-х гг., хотя первые такие примеры встречаются уже в прессе и политической публицистике рубежа XIX и XX вв. В название статьи вынесена весьма актуальная в современной русистике проблема «видовых троек» (ср. [Зализняк и др. 2010]); предложен весьма полезный обзор ее решений.

Заключительный раздел «Русский в сопоставлении с другими языками» открывается статьей «Согласование времен: русский в сопоставлении с французским» (1974, текст переработан). Казалось бы, сопоставлять нечего, ведь принято считать, что в русском языке согласования времен просто нет. И тем не менее Гиро-Вебер показывает, что это утверждение нуждается в уточнении. Действительно,

⁶ Гиро-Вебер считает эти конструкции галлицизмами (ср.: *et moi de pleurer*); вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

⁷ Более того, конструкция с глаголом НСВ может выступать как немаркированная вместо маргинального инхотатива СВ: *что-то стало холодать* (при редком и устаревшем *захолодало*).

в определительных или обстоятельственных придаточных русские времена употребляются в соответствии с реальной временной локализацией ситуации, как и во французском (с точностью до отсутствия в русском относительных времен – плюсквамперфекта и будущего в прошедшем). Обращено внимание на то, что в контекстах, передающих предшествование в прошедшем, обычно выступает указывающий на плюсквамперфектную интерпретацию наречный компонент (*уже, раньше, до этого*). Различие между двумя языками выступает только в изъяснительных предложениях, где в русском языке, в отличие от западноевропейских, время косвенной речи совпадает со временем прямой: *Она сказала, что у нее нет денег*. Отмечены устаревшие случаи (XIX в.) согласования времен в изъяснительных предложениях, возможно, под западноевропейским влиянием. Анализируется выбор времени в русских перцептивных предложениях (*Я видел, как она танцевала / танцует*) и показана его семантическая обусловленность.

Статья «Русские глаголы движения и их французские эквиваленты» (1992) посвящена компонентному (семному) анализу русских глаголов движения, для которых, в отличие от французского языка, значимым (и даже доминирующим) оказывается компонент «самостоятельно» (*идти vs. ехать*). Отметим, что хотя сочетание **он приехал самолетом / на самолете* в русском языке и недопустимо, как указывает Гиро-Вебер, но тем не менее глаголы *приехать, уехать, поехать* (я *завтра уезжаю, он уже приехал*) без выраженного инструментального дополнения вполне могут означать перемещение на любом транспорте, в том числе воздушном. Автор связывает различия в употреблении глаголов движения по суше и по морю с различными географическими условиями, в которых жили предки французов и «северные славяне»; аналогичные исторические причины усматриваются и в степени лексикализации вертикального измерения (ср.: франц. *monter / descendre* применительно к перемещению по плоскости).

Статья «Некоторые замечания об анафорической отсылке (*reprise anaphorique*) в русском языке в сопоставлении с французским узусом» (написана совместно с Робером Руде, 1988) затрагивает ряд свойств русской анафоры, например невозможность употребления личного местоимения в соответствии с неопределенным антецедентом (*Если тебе что-то нравится, возьми *его*) или с партитивным объектом. Разницу в употреблении русских и французских местоимений Гиро-Вебер объясняет тем, что статус последних близок к глагольным аффиксам (точка зрения многих исследователей,

в частности, К. Бланш-Бенвенист и Д. Крес-селяса).

Данную тему, как и проблематику цикла статей о неопределенно-личных и безличных предложениях, продолжает работа «Структура неопределенного лица: нулевое подлежащее в русском и местоимение *on* во французском» (1990). В ней предложен подробный разбор семантики как французского *on*, так и русского нулевого подлежащего конструкций типа *за стеной поют* (*О_{люди}* в терминологии И.А. Мельчука). Отмечено, что неопределенно-личное французское *on* имеет тенденцию включать говорящего. В ряде контекстов требуется употребить эксплицитно выраженное *pous* 'мы', чтобы «отмежеваться» от такой интерпретации: *Qu'est-ce qu'on nous a préparé pour dîner?* 'Что нам приготовили на ужин?'. В то же время русское нулевое местоимение строго эксклюзивно. Исследуется также ряд других общих и различных свойств этих конструкций.

Статья «От пассива к безличной конструкции: русский в сравнении с польским» (1984) посвящена русской безлично-пассивной конструкции *об этом сообщалось в газетах*, для которой характерно⁸ отсутствие агенса в творительном падеже. Такой же оборот имеется и в польском языке, где представляет собой частный случай хорошо известной безличной конструкции, в которой агенс также не может быть выражен, а пациенс выражается винительным падежом (типа *zabito syna* 'сына убили'; такой же оборот есть и в украинском). Считается, что польская конструкция прошла процесс «активизации»; ее в современном языке не относят к страдательному залогу (иногда описывают как «псевдопассив»). С точки зрения Гиро-Вебер, русская конструкция также не является пассивной в собственном смысле слова: это подтип несогласуемой безличной конструкции с базовой именной группой (в данном случае – предложной), стоящий в одном ряду с такими подтипами, как *С отцом нехорошо*.

В статье «Реакция на заимствование: на примере русских и польских глаголов» (1998) речь идет о заимствованных глаголах на *-овать/-ować* типа *арестовать*, уже на

славянской почве включаемых в стандартные видовые пары (*арестовать/арестовывать*, *парковать/припарковать* и т. д.) или остающихся двувидовыми (*идентифицировать*). В польском языке стандартным средством адаптации таких глаголов является приставочная перфективизация (*zaarestować*), а двувидовые глаголы маргинальны.

В работе «Эволюция славянского генитива отрицания в русском, польском и чешском языках» (2007) исследуется генитив субъекта (*Отца не было дома*) и генитив объекта (*Я не читаю книг*). Автор продолжает «бисинхронный» подход к данной теме, о котором мы уже говорили выше, но на материале нескольких языков и с большим учетом исторических свидетельств. Польский язык сохраняет праславянский генитив отрицания (и даже распространяет подобную трансформацию в разговорной речи на необъектный аккузатив, например, аккузатив времени: *Nie pracowałem całej nocy*), в то время как чешский его утрачивает полностью, а в русском языке объектный аккузатив распределен с генитивом в зависимости от ряда факторов, в том числе семантических. Автор считает, что в постсоветский период под западным влиянием выросла частотность глагола *иметь* (и, соответственно, обязательного генитива при нем типа *не иметь отношения*); данные НКРЯ как будто бы не подтверждают этого: частотность лексемы и генитивного объекта при ней с 1960-х годов в общем стабильны. Что касается субъектного генитива отрицания, то польский язык консервативен и в этом случае, сохраняя генитив только в экзистенциальных предложениях, чешский утрачивает такую конструкцию, а в русском имеет место экспансия генитива: *мороза не ощущалось, не прошло и года* и т. п.

Заключительная работа в книге касается тематики «картины мира» – «Восприятие времени у русских и французов» (2001; в первой публикации «Язык и длительность»). Здесь разбираются названия промежутков времени (более «крупные» в русском языке – *неделя*, *полгода* – и более «мелкие» во французском – *huit jours*, *six mois*), обозначения времени суток (где в русском языке отсутствует понятие *après-midi*, а во французском – *ночь*). Автор даже осторожно предполагает, что первое явление могло повлиять на введение в СССР пятилетнего плана. Второе явление связывается с большой ролью полудня (*midi*) как фиксированного времени перерыва работы во французской культуре, в то время как для русских *двенадцать часов дня* ничего особого не значат, а *обед* каждое учреждение может назначить по своему усмотрению. Гиро-Вебер далее усматривает сходство с

⁸ Контексты типа найденного нами в НКРЯ «Жизненно важные» центры, как писалось в истории болезни и говорилось врачами, оказались не задеты, мясо же на молодом теле нарастет [В. Астафьев. Обертон (1995–1996)], во-первых, не в точности представляют эту конструкцию (отметим, что при предикате *писалось* есть локативное обстоятельство, но нет инструментального субъекта), во-вторых, маргинальны.

устройством русской временной системы (а именно, отсутствием четкой временной локализации события и большей ролью вида), а также с русским *простором*, по которому, *хоть три года скажи, ни до какого государства не доедешь*.

В книге есть некоторое количество опечаток, как в русских или польских примерах, так и во французском тексте, и технических погрешностей (например, на с. 26 авторский комментарий к примеру 37 «втянут» в сам пример). Не во всех статьях добавлены переводы примеров на французский язык, хотя, как представляется, это было бы несложно сделать, и это отвечало бы заявленной в предисловии ориентации сборника на более широкую аудиторию лингвистов. В приставных библиографиях, там, где приводятся данные работ автора, включенных в рецензируемый сборник, для удобства следовало бы дать внутренние ссылки (а не только указания на первые публикации), как это сделано, например, в сноске на с. 193. Автор приписывает пример *Бог есть любовь* (с. 22) не названному по имени Толстому (видимо, Льву Николаевичу), хотя это новозаветное выражение (1 Ин. 4:8), причем употребительное в такой форме еще до появления Синодального перевода. Также несколько странна атрибуция тривиальной русской реплики *Можно войти?* Гаршину (с. 147); с таким же успехом это можно назвать цитатой, наверное, из нескольких сотен русских писателей.

Несомненно, книга заслуживает перевода на русский язык и публикации в России. Очень хотелось бы, чтобы идеи и решения, предлагаемые Гиро-Вебер, стали доступны для возможно более широкого круга наших русистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богуславский, Иомдин 2009 – И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин. Семантика смягченной сравнительности: русские компаративы на *по-* // Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. München; Wien, 2009.
- Гиро-Вебер 1984 – М. Гиро-Вебер. Устранение подлежащего в русском предложении // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 6.
- Зализняк и др. 2010 – Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1.
- Рахилина 2008 – Е. В. Рахилина (сост.). Объемный *генитив* при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Татевосов 2009 – С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. А. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Тестелец 2001 – Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Guiraud-Weber 2004 – M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.

Д. В. Сичинава

Сведения об авторе:

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН
mitrius@gmail.com

G. G. Corbett. *Features*. Cambridge: Cambridge university press, 2012. xviii + 322 p.

Рецензируемая книга является наиболее поздней из ряда авторских монографий Гревилы Корбета, посвященных различным аспектам морфологии и морфосинтаксиса. Ставшие классическими работы [Corbett 1991; 2000; 2006] посвящены роду, числу и согласованию соответственно. Новая книга «Признаки» во многом построена на соединении типологических исследований в тех же и близких областях и канонической типологии – теоретического подхода, разрабатываемого последние годы самим Г. Корбетом и при его участии, см., например, [Corbett 2005; Brown et al. (eds)

2012], а также краткое изложение ниже¹. Помимо практики собственно лингвистических исследований, в книге учитывается и более практическое приложение описываемой теории – в разработке принципов глоссирования и разметки корпусов. Такое сочетание практического и теоретического подходов, несомнен-

¹ Список библиографии по канонической типологии доступен на сайте университета Суррея: <http://www.surrey.ac.uk/englishandlanguages/research/smg/canonicaltypology/bibliography>.